

... Да. Эвакуировать. А мне тогда было, шол десятый гот. А бабушка старая, ей в деревне не было никово равных. Она глухая была. И говорит: «Ниночка, – это меня она звала, – надо, Манька, надо её провожать. То – говорит, – были войны, што ребятишек в лафке давили». Я и говорю, подскочу: «Как в лафке?» А раньше избы были. Русская печка и такие скамейки стояли толстые-то.

(У нас была такая в Пелешах.)

[Смеется] Ну вот, ну вот, вот, вот, вот, вот. Я потскочу, што: «Как это само?!» – «Да так».

И вот меня начали собирать в дорогу, з бапкой там, такой Тонькой Петровой, ешшо одна без детей остафшысь, вот с той. А с её бабушкой.

Ну жыли плохо, отец сидит в тюрьме, посажено. Мама на скотном дворе работает. Это... В доме чемодана не было. Масло до войны в яшшиках таких маленьких. Ну дерявянные, культурно. И этот... Дядя зделал чемоданчик. Вот я подойду, там две пары белья, этих самых, в дорогу собирает меня. Куда?

А подводы идут с Пелеш, оттуда с Котош через Межнйк. И этот идёт насыление туда, скот гонят, угоняют. Страшная картина была эта.

Вдруг вечером. Тут рядом напротиф жыл председатель сельсовета, вот как Чамаевы. Воз нагружэн, магазин розграбили. Яшшыки, ну в обшшэм.

Наутро пришол немец. Мы не успели. А! Мать, помню, капусту окучивает. А я сижу на заборе – плачу! Тая голосит, голосит, што как она отправит меня неизвесно куда. А я это сижу на заборе, я очень вёрткая была, шустряя. Лошадь ужэ водила ф полё, на коне ездила. Понимаеш? Ну. Ну и вот пришол немец. Три дня у нас, наверно, ево не было.

А населения много, бежэнцэф этих с-под Ленинграда, приехафшы оддыхать были, в Гдоф. А уехать не успели – немец захватил.

Садилась глядеть в Лосице немца, там где-то с кустоф глядели. После появились и у нас. После пришел у нас тут раненый солдат. Ты сидиш в лесу, выходиш с окружения, есть хочеш. Куда итти? В дяревню. А месяц или большэ, вот большак, и то слышно, што день и ночь гудели машины. Это такая сила шла. Только подумать, што немцы это. А наш Иван русский топал пшэчком.

И вот приходит красноармеец, как сичас помню, раненый в груть. И просит, што: «Положите». Ну вот мы отважные жэншшыны были, вот моя мама и вот председателя эта сельсовета жэна. Положили ево это ф сарай ничейный. И сказали: «Чуть што – осознаемся». Мало ли как найдут ево немцы!

Прошла, наверно, неделя. А меня ешшо писать заставляли ф ковшык – ему перявяски делали [смеется].

(Зачем?)

Да. Чем? Разорваны холшшовые кальсоны, тогда не бинты это самое...

И вдруг немцы делают облаву. Тогда ешшо у нас колхозная корова была, своя корова. А за стенкой сидят три красноармейца, но они ужэ не ф красноармейской форме. Есть просят. Мама как раз с этим... Хорошо, што они выстрелили, подали какой-то сигнал. Это немцы-то выстрелили, так красноармейцы куда-то. А они выстрелили, што увидели там, ни одни мы кормили-то, веть и другие выходят-то. И тут вдруг в двярях немец: «М-м-м-м...». И нас погнали. Мама ешшо успела заскочить, пока он в дом, а они в поросячью загородку. «Ребята, меня растреляют, как хотите, убегайте куда-нибудь». У них это, ну они после убежали туда по картошке. Мы к ручью были к лесу блиско.

И нас гонят на Бешкóво. Думали, в Ляды. А по лесу гонят, кричат: «Рус, швайн, рас-стреляют». В обшшэм, што пригнали. Скот угнано, ну раз угоняли. На навос закрыли нас,

это самое. Как короф, перешчытывали, людей-то. Ну, человек сто пяддесят было. Деревня-то веть большая была, дачникоф, это самое. И вот мы наворотили плакать, а это было перед вечером, наверно, часоф ф четыре или пять. После на ломаном руском языке зачитал приказ, што мы принимаем партизан. А мы не партизан принимаем-то. Если найдём, то ф пять часоф будете ростреляны. Такой приказ.

А сидят, нарот-то и говорит тут, переговариваеца: «Как это фсех могут растрелять?». Да веть не одни ростреляны. Вон и Краснұха, и концлагеря, и фсё. Ничево веть не было, это самое, никакой связи, ничево и вот.

Катька такая, подрушка и говорит: «Нинка, пошли писать. Давай убежим». Я говорю: «Катька, а ты знаеш, куда бежать?» И дралися с ней. «Не-а». – «А я тем более не знаю».

Ну, плакать наворотили. Они нас покормили: рис с мясом. Котелки такие, и вилка и лошка одновременно было, ну в обшшем, складное, это самое. Сколько лет прошло, фсё как наяву вот помниш. Ну, и ждали, што пяти часоф утра. Они точные, немцы: если они сказали, то они выполняют, што бы это ни было. Вдруг затарахтел мотоцикл. Тут фсе зашэвелилися, народ. И объявляют, што вы свободны: ничево у нас не нашли.

Когда вот выпустили нас, в лесу было море малины, это значит было, вот, конец, наверное, июля, но ужэ были полицаи, ужэ были предатели, перешли ужэ... сюда немец пришол четырнадцатого июля, в раён. А это ужэ успели, видиш, это вот, ну ладно.

Так што... Долго можно рассказывать. Фсё, пошла работать.